

УДК 82

5.9.1. Русская литература

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

О РЕДАКЦИИ Р.Б. ГУЛЯ «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗОВ» В.Т. ШАЛАМОВА

В статье привлечено внимание к редакции первоиздателя «Колымских рассказов» Р.Б. Гуля. Именно он взял на себя историческую роль впервые представить Шаламова как автора «Колымских рассказов». Будучи главным редактором русскоязычного нью-йоркского «Нового журнала», Гуть за одиннадцать лет (1966–1976) опубликовал пятьдесят рассказов. Рассмотрению характера его правки на примере некоторых из рассказов посвящена данная статья.

Варлам Шаламов, Роман Гуть, «Колымские рассказы», «Новый журнал», редактирование.

Каждый рассказ, каждая его фраза предвительно прокричана в пустой комнате <...> Из мозга все это выталкивается само – на манер толчка сердечной мышцы – все это формируется внутри само, а всякое препятствие причиняет боль.

Варлам Шаламов. О моей прозе

Как в свое время делали купюры в текстах Марины Цветаевой, так сейчас, например, в «Новом Журнале» причесали рассказы Шаламова, приведя их в большее соответствие с нормами эмигрантской эстетики.

Мария Розанова. На разных языках

Джон Глэд, первый переводчик основного массива рассказов Шаламова на английский язык, в 2013 г. на конференции в Праге, говоря о выходе первого сборника «Колымских рассказов» на английском, отмечал:

Первый томик с подборкой некоторых рассказов был встречен восторженными рецензиями, написанными самыми авторитетными именами в англо-американской литературе (среди них – Энтони Бёрджесс, Гаррисон Солсбери, Сол Беллоу), и не где-нибудь, а в самых что ни на есть мейнстримных изданиях (включая New York Times, Chicago Tribune, Times of London). Я не сопоставлял шаламовский текст с текстами, вышедшими в «Новом журнале», «Посеве» и «Гранях», но исключительные отзывы критиков красноречиво свидетельствуют о том, что редакция Романа Борисовича совсем уж плохой быть не могла [1, с. 329].

Первопубликация на русском языке производила сильное впечатление. С конца 1966 г. читатели с нетерпением ждали эти четыре, три, два, а то и один рассказ в номере. Лариса Глэд в разговоре со мной вспоминала, что, когда приехала в Соединенные Штаты, в Вашингтон, Джон предложил ей читать именно рассказы Шаламова в «Новом журнале». Прошли де-

сятилетия, а Лариса помнит те ощущения: «Это были удивительные рассказы, и это было настоящее художественное произведение».

В письме от 24 февраля 1969 г. Ежи Гедройцу, главному редактору журнала польской эмиграции «Культура» в Париже, Гуть не скрывал: «Помещенные в “Н<овом> Ж<урнале>” рассказы Шаламова – отредактированы мной и иногда довольно сильно» [4]. Закономерные вопросы неизбежны. Насколько сильно? В каком направлении?

При внимательном сопоставлении текста собрания сочинений Шаламова и редакции «Нового журнала» (с учетом знания текста лондонской книги «Колымские рассказы» под редакцией М.Я. Геллера [13]) становится очевидным, что правил Гуть рассказы Шаламова действительно сильно. Я не буду касаться таких крайних случаев, как значительное сокращение рассказа «Шоковая терапия» и переименование в «Рауш-наркоз» [10]. Рассмотрим достаточно типичные моменты правки с целью понять ее необходимость.

У подавляющего большинства изменений сложно понять их причины. Не вполне объяснимо, чем обусловлены такие изменения, как в рассказе «Заклинатель змей» [7]. (Здесь и далее подчеркиваю измененное или выпущенное Р.Б. Гулем.)

– *Слушай, а романы ты можешь тискать?*

Огонь блеснул в мутных глазах Платонова.

Ясное авторское уступает место менее внятому, неопределенному:

По лицу Платонова что-то мелькнуло.

Задумываешься, что вообще может мелькнуть «по лицу» кроме тени (и неуместных здесь солнечных зайчиков)?

Кроме такого рода замен Гуть любил сокращения. Он оставляет шаламовское:

Еще бы он не мог. Вся камера следственной тюрьмы заслушивалась «Графом Дракулой» в его пересказе. Но там были люди. А здесь?

Далее поток сознания выпущен – оставлена исключительно прагматика последнего предложения:

Стать шутом при дворе миланского герцога, шутом, которого кормили за хорошую шутку и били за плохую? Есть ведь и другая сторона в этом деле. Он познакомит их с настоящей литературой. Он будет просветителем. Он разбудит в них интерес к художественному слову, он и здесь, на дне жизни, будет выполнять свое дело, свой долг. По старой привычке Платонов не хотел себе сказать, что просто он будет накормлен, будет получать лишний супчик не за вынос параша, а за другую, более благородную работу. Благородную ли? Это все-таки ближе к чесанию грязных пяток вора, чем к просветительству. Но голод, холод, побои...

Гуль последовательно искореняет авторское выстраданное в пользу менее выразительного, стандартного.

СС:

Платонов, не куривший неделю, с болезненным наслаждением сосал махорочный окурочок.

Гуль:

Платонов, не куривший неделю, с необычайным наслаждением закурил махорочный окурочок.

(Речевые повторы (не куривший – закурил) Гуль себе позволял.)

Не буду останавливаться на таких ошибочных прочтениях, как:

Эх, скука, ноги длинные вместо Эх, скука, ночи длинные;

Откровенные (вместо «Отверженные»).

На примере предложений из рассказа «Сука Тамара» [11] отметим, как Гуль «засушивает» текст, нивелирует физиологическую и психологическую точность Шаламова, лишает его оригинальности, выразительности:

Собака улыбнулась ему вслед, повиляла хвостом. [Собака ему вслед повиляла хвостом.]

Эта твердость нравственная особенно умиляла выдавших виды и бывавших во всяких переплетях жителей поселка. [Это особенно умиляло выдавших виды жителей поселка.]

Тамара долго волновалась, унижалась, виляла хвостом, но, по-видимому, все было в порядке, щенки были целы. [Тамара долго волновалась, унижалась, виляла хвостом, но всё явно было в порядке, щенки были целы.] (Ничего явно бывшего в порядке в том мире не было.)

Иногда исполняются желания, а может быть, ненависть всех пятидесяти человек к этому начальнику была так страстна и велика, что стала реальной силой и догнала Назарова. [...стала той силой и догнала Назарова.]

Трудно предположить другие причины такого рода правки, кроме вкуса и произвола.

Правку, которую можно было бы соотнести с историческим планом, я заметила в одном случае. В начале «Надгробного слова» [9] мы читаем:

Все умерли...

Николай Казимирович Барбэ, один из организаторов Российского комсомола, товарищ, помогавший мне вытащить большой камень из узкого шурфа, бригадир, расстрелян за невыполнение плана участком...

Сложно предположить, чем Гулю помешало это приложение, но он убрал его: один из организаторов Российского комсомола. Чтобы убедиться в том, что дело не в фактологической ошибке, достаточно обратиться к комментарию В.В. Есипова:

Николай Казимирович Барбэ – родился в 1903 г., расстрелян по приговору «тройки» УНКВД по Дальстрою 7 февраля 1938 г., реабилитирован в 1969 г. Барбэ был членом ВКП(б) с 1920 г. (см. интернет-ресурс www.teto.ru), следовательно, он действительно мог быть «одним из организаторов российского комсомола», как пишет Шаламов; известно также, что в 1928 г. Барбэ участвовал в оппозиции, что обусловило особые симпатии к нему со стороны писателя [3, с. 551–552].

Иногда думается о разности эстетических подходов. Обратившись к началу рассказа «Большой» [5], мы замечаем, что Гуль сохранил первый абзац (отражу в скобках его правку):

Это странная история (Это – странная история), такая странная, что и понять ее нельзя тому, кто не был в лагере, кто не знает темных глубин уголовного мира, блатного царства. Лагерь – это дно жизни. Преступный мир – это не дно дна («Преступный мир» это не дно дна). Это совсем, совсем другое, нечеловеческое.

Здесь Гуль вместо точки ставит многоточие и далее выпускает:

Есть банальная фраза: история повторяется дважды – первый раз как трагедия, второй раз как фарс.

Нет. Есть еще третье отражение тех же событий, того же сюжета, отражение в вогнутом зеркале подземного мира. Сюжет невообразим и все же реален, существует взаправду, живет рядом с нами.

В этом вогнутом зеркале чувств и поступков отражаются вполне реальные виселицы на приисковых «правилках», «судах чести» блатарей. Здесь играют в войну, повторяют спектакли войны и льется живая кровь.

Есть мир высших сил, мир гомеровских богов, спускающихся к нам, чтобы показать себя и своим примером улучшить человеческую породу. Правда, боги опаздывают. Гомер хвалил ахейян, а мы восхищаемся Гектором – нравственный климат немножко изменился. Иногда боги зовут людей на небо, чтобы сделать человека «высоких зрелищ» зрителем. Все это разгадано поэтом давно. Есть мир и подземный ад, откуда люди иногда возвращаются, не исчезают навсегда. Зачем они возвращаются? Сердце этих людей наполнено вечной тревогой, вечным ужасом темного мира, отнюдь не загробного.

Этот мир реальной, чем гомеровские небеса.

Пять абзацев выпущены, потому что «банальная фраза» из Гегеля в первом абзаце показалась Гулю слишком банальной? Но английский писатель Джулиан Барнс не гнушается ею в «Истории мира в 10½ главах», написанной в 1989 г. Не понравилась шаламовская мысль о троюмирии? Неприятна эпическая масштабность восприятия? Устранив важное для Шаламова размышление, Гуль устремляется сразу к седьмому у Шаламова абзацу:

Шелгунов «тормозился» на пересылке во Владивостоке – оборванный, грязный, голодный, недобитый конвоем отказчик от работы.

Быть может, рассуждения Шаламова отклонялись от его, Гуля, эстетики или понимания шаламовского типического в «Колымских рассказах»?

Подчас Гуль «экономит» буквально на полутора строчках. Даже если допустить, что им руководило редакторское стремление сделать журнал максимально насыщенным и разнообразным, очевидно, что добиваются этого не за счет удаления полутора строк. Казалось бы, у Шаламова дана типичная реплика уголовного:

– Нет. Зови романиста. Культуры мы похавали, правда, достаточно. Но все это – романы, теория. Мы с этим фраером еще в одну игру играем. Времени у нас предостаточно.

Редакция Гуля:

– Нет. Зови романиста. Культуры мы похавали, правда, еще в одну игру играем...

Имеем ли мы дело со стилистическим разногласием, желанием выровнять стилистику? Но «похавали» продолжает звучать, да и как должен выражаться «король» уголовников? Мастерство Шаламова – в создании сочетания слов разной стилистической окраски.

Удивительно, что посягновения на идиостиль Шаламова выдерживают чужой и чуждый напор. Разрушения его уникального стиля не происходит, но это мало извиняет непрошеную правку.

Сокращений у Гуля много. В рассказе «Экзамен» [12], например, Гуль предоставляет читателю первые четыре шаламовских абзаца, из которых воспроизведу последний:

У меня была как раз пятьдесят восемь, пункт десять – я был осужден в войну за заявление, что Бунин – русский классик. Но ведь я был осужден дважды и трижды по статьям, непригодным для полноценного курсанта. Но попробовать стоило: в лагерном учете после акций тридцать седьмого года, да и войны была такая неразбериха, что поставить жизнь на ставку стоило.

Пяти следующих абзацев нет:

Судьба – бюрократка, формалистка. Замечено, что занесенный над головой осужденного меч палача так же трудно остановить, как и руку тюремщика, отмыкающего дверь на свободу. Везенье, рулетка, Монте-Карло, поэтизированный Достоевским символ слепого случая, вдруг оказались научно познаваемой схемой – предметом большой науки. Страстная воля постичь «систему» в казино сделала ее научной, доступной изучению.

Вера в счастье, в удачу – в предел этой удачи доступна ли человеческому пониманию? И чутье, слепая животная воля к выбору – не основано ли на большем, чем случайность? «Пока везет – надо на все соглашаться», – говорил мне лагерный повар. В везенье ли дело? Несчастье неостановимо. Но и счастье неостановимо. Вернее – то, что арестанты называют счастьем, арестантской удачей.

Довериться судьбе при счастливом попутном ветре и повторить в миллионный раз плаванье «Контики» по человеческим морям?

Или другое – вклиниться в щель клетки – нет клеток без щели! – и выскользнуть назад, в темноту. Или втиснуться в ящик, который везут к морю и где тебе нет места, но пока это разберут, бюрократическая формальность тебя спасет.

Все это – тысячная часть мыслей, которые могли бы, но вовсе не приходили мне тогда в голову.

Гулю не понравились шаламовские рассуждения? Аллюзии? Он сомневался в читательской способности восприятия? Хотел оставить только то, что происходило «тогда», и убирал «более поздние» размышления? Не хотел палимпсеста – предпочитал одну линию, один слой повествования? Так или иначе, после пропуска пяти абзацев Гуль снова начинает с того, что может быть воспринято как «традиционно шаламовское»:

Приговор был оглушителен. Мой живой вес был уже доведен до нужных для смерти кондиций. Следствие в слепом carcere без окон и света под землей. Месяц на кружке воды и трехсотке черного хлеба...

Далее Гуль снова оставляет один абзац и убирает второй:

А если меня избьют и выбросят с порога курсов – вновь в забой, к ненавистной лопате, к кайлу – ну что ж! Я просто останусь зверем – вот и все.

Все это было моим секретом, моей тайной, которую так просто было хранить – достаточно о ней не думать. Я так и делал.

Гуль смущает малейшая временная перебивка?

Не исключаю, что это напрасное вглядывание и вслушивание в отвергнутое Гулем. Трудно представить, что он просто вычеркивал куски из чужого текста, но, может, так оно и было? Не желая видеть целое, он пошел по пути предоставления читателям отдельных рассказов? Если не нравились размышления, он их убирал? Не будучи поэтом, не учитывал поэтического склада прозы Шаламова? Будучи художником другого плана, отвергал живые описания?

Продемонстрируем последнее на примере редакции Гуля рассказа «Ключ Алмазный» [8].

Экспозиция убрана:

Грузовик остановился у переправы, и люди стали сгружаться, неловко и медленно перекидывая через борт «студебеккера» свои негнувшиеся ноги. Левый берег реки был низменным, правый – скалистым, как и полагается им быть по теории академика Бэра. Мы сошли с дороги прямо на дно горной реки и сделали шагов двести по промытым сухим камням, гремящим под нашими ногами. Темная полоска воды, казавшаяся такой узкой с берега, оказалась широкой и быстрой мелкой горной рекой. Нас ждала лодка-плоскодонка, и перевозчик с шестом вместо весел перегонял лодку на ту сторону, нагрузив ее тремя пассажирами, и возвращался обратно один.

Гуль начинает прямо с переправы:

Переправа длилась до самого вечера. На другом берегу мы долго карабкались по узкой каменной тропке вверх, помогая друг другу, как альпинисты. Узкая тропка, едва заметная среди пожелтевшей пониженной травы, вела в ущелье...

Гуль убирает сравнение с альпинистами, повторенное прилагательное узкая. Заменяет предупрежде-

ния конвоира на предупредительные команды, убирает выделяющие команды кавычки:

Мы привыкли к щелканью винтовочных затворов, заучили наизусть предупредительные команды – шаг влево, шаг вправо – считаю побегом – шагом ари! – и мы шли...

В этом рассказе мы снова видим «экономию» на одном предложении: *Удивительное ждало меня вечером.*

Насущное размышление о пище тоже убрано:

Я напряженно думал. Хлеб – основная наша пища здесь. Половину всех калорий мы получаем в хлебе. Приварок же – вещь неопределенная, пищевая ценность его зависит от тысяч разных причин – от честности повара, от его сытости, от трудолюбия повара, ибо повару-лодырю помогают «работяги», которых повар прикармливает; от энергичного и несусыпного контроля; от честности начальства; от честности дневального, сытости и порядочности конвоиров; от отсутствия или присутствия блатрей. Наконец, и вовсе случайное событие – черпак раздатчика, зачерпнувшего одну юшку, может свести пищевые достоинства приварка чуть не к нулю.

Не нашлось места и рассказу о лагерной обуви:

Я сел на снег и затянул тряпочками бурки пониже колена. Этот сорт обуви только назывался бурками. Это была местная модель – экономная продукция военного времени. Бурки сотнями тысяч кроились из старых, изношенных ватных стеганых брюк. Подошва делалась из того же материала, прошитого несколько раз и снабженного завязочками. К буркам давались фланелевые портянки – так обували рабочих, добывающих золото на пятидесяти-шестидесятиградусном морозе. Эти бурки распознались через несколько часов при работе в лесу – они рвались о сучья, о ветки; через несколько дней – при работе в золотом забое. Дыры на бурках чинились в ночных сапожных мастерских на живую нитку. К утру починка бывала произведена. На подошву нашивали слой за слоем, обувь окончательно приобретала бесформенный вид, становилась похожей на берег горной реки, обнаженный после обвала.

В этих бурках с палкой в руках я шел к реке – несколько километров выше переправы. Я сполз с каменной крутизны, и лед захрустел под моими ногами. Длинная промоина-полянна перегораживала дорогу – и не было видно конца этой поляны. Лед подломился, и я легко шагнул в дымящуюся жемчужную воду, и ватная подошва моя ощутила выпуклые камни дна. Я поднял высоко ногу – заледневшие бурки засверкали, и я шагнул еще глубже, выше колена, и, помогая себе палкой, перебрался на ту сторону. Там я тщательно обил бурки палкой и сцарапал лед с бровок и брюк – ноги были сухи. Я потрогал кусочек хлеба за пазухой и пошел вдоль берега.

Правка Романа Гуля воспринимается особенно фантазмагорично, когда мы знаем от самого Шаламова, как он писал и как правил. Об отношении к собственной правке сказано в эссе «О прозе»:

Правка, «отделка» любого моего рассказа необычайно трудна, ибо имеет особенные задачи, стиливые.

Чуть-чуть исправив – и нарушается сила подлинности, первичности [14, с. 156].

Вот это «чуть-чуть» всякий раз подводило Гуля.

Обратившись к рассказу «Две встречи» [6], недоумеешь, зачем вводить нейтральный глагол *проходили* – почему не оставить выразительный *прохилили* автора?

Бригады уменьшались в числе – по дороге на «Серпантинку», на расстрельную командировку Северного управления, день и ночь проходили машины, возвращавшиеся порожняком.

Была ли необходимость менять знаки препинания и называть страшные вещи не поодиночке, как у Шаламова, а выстраивать то ли парами, то ли в каком-то странном порядке?

СС:

Я был свидетелем бурных дискуссий, чуть не кровавых споров в бараке – бьет ли начальник кулаком, или перчатками, или палкой, или тростью, или плеткой, или прикладывая «ручной револьвер».

Гуль:

Я был свидетелем бурных дискуссий, чуть не кровавых споров в бараке – бьет ли начальник кулаком или перчатками, или палкой или тростью, или плеткой, или прикладывая «ручной револьвер».

Надо ли было добавлять вопросительный знак? Ведь у Шаламова не вопрос – утверждение:

В общем, все хвалили Анисимова, бьет, но кто не бьет.

Гуль:

В общем, все хвалили Анисимова, бьет, но кто не бьет?

На праздновании 25-летия журнала (9 апреля 1967 г.) в Нью-Йоркском университете Р.Б. Гуль говорил:

Люди, сочувствующие идеям, убивающим свободное творчество человека, – не могут быть сотрудниками «Нового журнала». И в то же время я хочу подчеркнуть, что на протяжении 25 лет редакция «Н. Ж.» объединяла всех, кому дорога свободная русская культура, проводя принцип самой широкой терпимости ко всякому инакомыслию – политическому, мировоззренческому, к разным литературным направлениям, к разности литературных вкусов, школ, даже мод. Исключались и до сих пор исключаются только сторонники тоталитарных идеологий, то есть сторонники массовой антикультуры (цит. по: [2, с. 161]).

Декларируя «свободное творчество», «свободную мысль», редактировал Шаламова Гуль «антикультурно». Его безусловная заслуга заключается в том, что он опубликовал пятьдесят рассказов: двадцать – из тридцати трех «Колымских рассказов», три – из двадцати пяти рассказов «Левого берега», девять – из двадцати восьми «Артиста лопаты», восемнадцать – из тридцати «Воскрешения лиственницы». Но сам факт публикации произвольно выбранных рассказов, игнорирование шаламовской композиции циклов и целого свидетельствуют о произволе и предвзятости Гуля, его концептуальной редукции авторского замысла.

Последовательная редукция наблюдается и на стилистическом уровне. Редакторская правка Романа Гуля приводит к разрушению глубинной структуры текста. Замена слов, изменение их окружения, син-

тагматики, синтаксических конструкций ведут к нарушению стилистической полифонии Шаламова. Уникальный стиль Шаламова – сплав документальности и художественной интерпретации мира – разрушается чуждой правкой. Текст как структурно-семантическое единство обладает способностью оказывать влияние на языковые единицы, входящие в его состав, и Шаламов максимально использовал эту возможность. Под воздействием целого в составляющих его элементах реализуются новые, дополнительные значения. То, чего добивается писатель, автор текста, не всегда понимает интерпретатор, и в данном случае мы имеем дело с вторжением в текст Шаламова единовластного самоуверенного редактора, не стеснявшегося править чужой текст, много вычеркивать и переименовывать.

Тексты Шаламова сделаны настолько качественно, что выдерживают непрошенные изменения и на читателя производят неизгладимое впечатление. Самому же автору пришлось пройти оба круга писательских мытарств: непечатания рассказов на родине и самовольного произвольного печатания за рубежом. При жизни Шаламов ощущал себя обманутым, использованным в опасных политических играх.

Сам факт наличия двух редакций – Р.Б. Гуля и М.Я. Геллера – продуктивен для сравнительного анализа с редакцией российского собрания сочинений Шаламова, решения текстологических вопросов при подготовке нового собрания сочинений.

Литература

1. Глэд, Дж. Художественный перевод: теория и практика последнего запретного искусства (на материале «Колымских рассказов») / Джон Глэд // «Закон сопротивления распаду». Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века. Сборник научных трудов / под редакцией С. Соловьева, В. Есипова, Я. Махонина

[и др.] – Прага : Национальная библиотека Чешской Республики – Славянская библиотека ; Москва : Веб-сайт Shalamov.ru, 2017. – С. 319–336.

2. Гуль, Р. Одвуконь: Советская и эмигрантская литература / Р. Гуль. – Нью-Йорк : Мост, 1973. – 322 с.

3. Есипов, В. В. Комментарии / В. В. Есипов // Шаламов, В. Т. Колымские рассказы: избранные произведения / В. Шаламов ; составитель, статья и комментарии В. В. Есипова. – Санкт-Петербург : Вита Нова, 2013. – С. 538–560.

4. Клоц, Я. Варлам Шаламов между тамиздатом и Союзом советских писателей (1966–1978). (Klots Y. Varlam Shalamov Between Tamizdat and the Soviet Writers' Union (1966–1978)) / Я. Клоц // Russian Literature. – Amsterdam. – 2018. – № 96–98. – P. 137–166. – URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/13546-varlam-shalamov-mezhdu-tamizdatom-i-soyuzom-sovetskih-pisateley-1966-1978> (дата обращения: 1.08.2023). – Текст : электронный.

5. Шаламов, В. Боль / В. Шаламов // Новый журнал. – 1974. – № 115. – С. 51–59.

6. Шаламов, В. Две встречи / В. Шаламов // Новый журнал. – 1971. – № 103. – С. 21–30.

7. Шаламов, В. Заклинатель змей / В. Шаламов // Новый журнал. – 1967. – № 86. – С. 10–20.

8. Шаламов, В. Ключ Алмазный / В. Шаламов // Новый журнал. – 1976. – № 124. – С. 31–36.

9. Шаламов, В. Надгробное слово / В. Шаламов // Новый журнал. – 1970. – № 100. – С. 62–75.

10. Шаламов, В. Рауш-наркоз / В. Шаламов // Новый журнал. – 1976. – № 126. – С. 45–50.

11. Шаламов, В. Сука Тамара / В. Шаламов // Новый журнал. – 1967. – № 86. – С. 16–20.

12. Шаламов, В. Экзамен / В. Шаламов // Новый журнал. – 1971. – № 102. – С. 41–50.

13. Шаламов, В. Т. Колымские рассказы / В. Шаламов ; предисловие М. Геллера. – London : Overseas Publications Interchange, 1978. – 895 с.

14. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений в шести томах / В. Шаламов ; составление, подготовка текста, примечания И. Сиротинской. – Москва : Терра-Книжный клуб, 2005. – Т. 5. – 382 с.

L.V. Egorova

ON ROMAN GUL'S EDITORIAL APPROACH TO VARLAM SHALAMOV'S *KOLYMA STORIES*

The article is devoted to the editorial principles of the first publisher of Varlam Shalamov's *Kolyma Stories* Roman Gul. It was he who took on the historical role of introducing Shalamov as the author of *Kolyma Stories*. As the editor-in-chief of the Russian-language *New Review* (New York), Gul published fifty stories in eleven years (1966–1976). The article discusses the nature of his edits on the example of some of Shalamov's stories.

Varlam Shalamov, Roman Gul, «Kolyma stories», «New Review», editing.